

Новейшая история

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-123-132
EDN: LVYLKV

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ В БАТАЛПАШИНСКОМ ОТДЕЛЕ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1917 ГОДУ

Алексей Александрович Сайко

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия, com.berum@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1429-4772>

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос формирования новых органов власти на территории Баталпашинского отдела Кубанской области после Февральской революции 1917 г. В частности, в центре внимания исследования находятся выборные органы местной власти – гражданские исполнительные комитеты, которые стали создаваться в регионе сразу после революционных событий. Отмечено, что, как и по всей стране, в Баталпашинском отделе сложилась своеобразная система двоевластия, когда параллельно с новыми выборными органами власти существовали управленческие структуры в виде правительственных комиссаров и станичных атаманов. В статье освещены основные проблемы, с которыми сталкивались гражданские исполнительные комитеты в период своей недолгой деятельности в регионе. Сделан вывод о том, что самым проблемным вопросом оказался земельный. В течение нескольких месяцев новые выборные власти в большинстве своем проделали быстрый эволюционный путь: от попыток сохранения сложившегося статус-кво в землевладении, до всеобщей поддержки земельных самозахватов казенных и частных угодий.

Ключевые слова: двоевластие, гражданские исполнительные комитеты, правительственные комиссары, станичные атаманы, Баталпашинский отдел, управленческая структура, земельные самозахваты.

Для цитирования: Сайко А.А. Формирование гражданских исполнительных комитетов в Баталпашинском отделе Кубанской области и основные проблемы их деятельности в 1917 году // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 123-132. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-123-132. EDN: LVYLKV.

© Сайко А.А., 2023

Original article

FORMATION OF CIVIL EXECUTIVE COMMITTEES IN THE BATALPASHINSKY DEPARTMENT OF THE KUBAN REGION AND THE MAIN PROBLEMS OF THEIR ACTIVITIES IN 1917

Alexey A. Sayko

Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, Russia, com.berum@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1429-4772>

Abstract. The article covers the development of new administrations on the area of the Kuban region's Batalpashinsky department following the February Revolution of 1917. The study focuses on elected local authorities - civil executive committees - which were established in the region immediately following the revolutionary events. It should be emphasized that, as in the rest of the country, an unusual system of dual authority has emerged in the Batalpashinsky department, with administrative structures in the shape of government commissars and village atamans coexisting with the newly elected authorities. The work focuses on the key issues encountered by civil executive committees during their brief presence in the region. It was determined that the most difficult issue was the land. Within a few months, the new elected authorities, for the most part, have moved quickly from attempts to maintain the status quo in land ownership to broad support for land self-seizures of both state and private holdings.

Keywords: dual power, civil executive committees, government commissars, village atamans, Batalpashinsky department, administrative structure, land self-seizures.

For citation: Sayko A.A. Formation of civil executive committees in the Batalpashinsky department of the Kuban region and the main problems of their activities in 1917. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 123-132. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-123-132. EDN: LVYLVK.

© Sayko A.A., 2023

Проблема реформирования системы местного самоуправления в России, создания эффективной местной власти, способной решать насущные проблемы населения непосредственно на уровне населенных пунктов, чрезвычайно актуальна на протяжении уже нескольких столетий. Перманентные преобразования в этой сфере детерминируют поиск наиболее удачных форм местного самоуправления, к тому же опирающихся на национальные традиции, а также предполагают учет просчетов и ошибок, допущенных при формировании и работе местных органов власти в прошлом. В этой связи, на наш взгляд, анализ исторического опыта становления и развития системы местного самоуправления в России на разных этапах её истории востребован, полезен и актуален.

Кроме того, можно отметить, что рассматриваемая проблема в региональном контексте, на материалах Баталпашинского отдела Кубанской области (большая часть территории современной Карачаево-Черкесской республики) рассматривалась довольно поверхностно. Особенно это касается периода с 1917 по 1920 г., когда страну охватил масштабный общенациональный кризис, сопровождавшийся гражданской войной. Интересующая нас проблема фрагментарно затрагивалась в трудах, посвященных описанию этих трагических событий и вышедших в советское и постсоветское время. Среди них, прежде всего, можно отметить работу К.Т. Лайпанова [Лайпанов 1971] и коллективные труды «Очерки истории Карачаево-Черкесии» [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972], «Очерки истории Кубани» [Очерки истории Кубани 1996]. В постсоветский период к проблеме становления российской административной системы в Карачае и Черкесии, в том числе в 1917 г. обращалась М.Н. Урусова [Урусова 2008]. В это же время появились работы В.В. Черпакова [Черпаков 2011], З.Я.

Емтыль и А.В. Пахомова [Емтыль, Пахомова 2020], Э.М. Агаджаняна [Агаджанян 2013] и некоторые другие, в которых интересующий нас вопрос получил некоторую апробацию. Но в исследовании Э.М. Агаджаняна это было сделано в порядке введения в общую тему, посвященную становлению и развитию органов исполнительной власти Карачаево-Черкесии в 1920-1941 гг., а В.В. Черпаков, З.Я. Емтыль и А.В. Пахомова осветили тему выборных представительных органов государственной власти на Кубани в 1917 г., не затрагивая особенностей деятельности гражданских исполнительных комитетов в Баталпашинском отделе. Таким образом, определенная лакуна в области исторического знания по указанной проблематике существует, что и детерминирует дополнительные исследовательские усилия в избранном направлении.

В основе данной статьи лежит принцип историзма, позволивший осветить проблему становления и эволюции гражданских исполнительных комитетов в Баталпашинском отделе Кубанской области в период февраля-декабря 1917 г. В ходе работы над исследованием нами были задействованы ряд специально-исторических методов. Среди них проблемно-хронологический, хронологический, синхронистический, позволивший установить взаимосвязи между аналогичными процессами, происходившими в России в обозначенный период, сравнительно-исторический, позволивший определить особенности развития общественно-политической ситуации в регионе в 1917 г., генетический, при помощи которого проанализированы основные тренды эволюции позиции местных властей по земельному вопросу в рассматриваемый период и др.

После Февральской революции 1917 г. в России была ликвидирована старая система власти; стремительно распространялись демократические идеи управления. Временное правительство, создавая новые структуры власти, подчеркивала свою приверженность народовластию. Демократические идеи как и поддержка новых властей нашли массовый отклик среди населения всей Кубанской области и её Баталпашинского отдела в частности. Временное правительство получило широкую поддержку и в среде местных элит, и среди значительной части простого населения. При этом мотивация различных слоев общества в вопросах оказания поддержки новым властям, зачастую, довольно кардинально отличалась.

Среди крестьян и горцев Баталпашинского отдела, доминировала идея преодоления хронического земельного дефицита. Оно рассчитывало, что новые власти в первую очередь займутся решением именно этой проблемы.

Так называемое иногороднее население, к 1917 г. составлявшее около трети населения Баталпашинского отдела, рассчитывало не только на земельные преференции, но и на ликвидацию своего неравноправного правового статуса, на который указывали еще в царское время [Шершенко 1906: 49-50]. Оно очень рассчитывало на социально-правовую эмансипацию, которая бы позволила на законных основаниях решать и отстаивать свои гражданские и экономические права.

В свою очередь кубанское казачество Баталпашинского отдела рассматривало смену власти, прежде всего, как открывающуюся возможность пересмотреть свой статус военно-служилого сословия. К рассматриваемому периоду значительная часть казачества рассматривала свои многочисленные обязанно-

сти в рамках службы государству и консервативные нормы общественного уклада уже как существенное бремя, а не почетную миссию. При этом оно не собиралось отказываться от экономических преимуществ (особенно в земельном вопросе), которыми оно пользовалось в имперский период.

Таким образом, интересы различных групп населения Баталпашинского отдела Кубанской области далеко не всегда совпадали и даже в определенных моментах противоречили друг другу. В итоге это не могло не сказаться на организации новых органов власти на местах и на особенностях их деятельности в хозяйственных и общественных вопросах. Всеобщее воодушевление, охватившее население после Февральской революции, стало постепенно улетучиваться, отступая перед широким фронтом новых проблем и противоречий.

Между тем, в марте 1917 г. в Баталпашинском отделе прошли съезды уполномоченных населенных пунктов, на которых объявлялось о полной поддержке Временного правительства. В марте-апреле того же года в отделе, как и по всей Кубанской области, были созданы выборные органы – гражданские исполнительные комитеты (ГИК) во главе с председателями. Они состояли из нескольких уровней – уездный (отдельский), районный (участковый) и сельский (аульный, станичный). Правда, одновременно с этими выборными органами власти появилась вертикаль правительственных комиссаров. Они, по большей части, заменили аульных и сельских старшин в горских и иногородних населенных пунктах. В станицах же власть, по-прежнему, осталась в руках станичных атаманов [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972: 10-11].

В инструкциях о формировании и деятельности ГИК отмечалось, что в ведении атаманов оставались вопросы, связанные с военной службой казаков, а гражданские исполнительные комитеты должны были заняться решением вопросов гражданской жизни [Очерки истории Кубани 1996: 496-497].

В целом, можно отметить, что в сельской местности рассматриваемого региона сложилась своеобразная система двоевластия. Здесь функционировали фактически независимые друг от друга две формы управления посредством комиссаров (старшин, станичных атаманов) и ГИКов.

Одной из важнейших задач, которую должны были решать новые органы власти, была проблема продовольственного обеспечения армии. Еще при царе в регионе стали функционировать так называемые реквизиционные комиссии, которые обязывали население поставлять продовольствие на военные нужды. Война продолжалась, и данная обязанность досталась новым властям в наследство от прежних. Но реквизиционные комиссии своими поборами уже успели настроить против себя основную массу населения. В 1917 г. на фоне ухудшавшейся экономической ситуации протесты против деятельности реквизиционных комиссий становились все масштабнее и активнее. Это поставило гражданские исполнительные комитеты в щекотливое положение. С одной стороны необходимо было выполнять правительственное поручение, с другой – становилось очевидно, что данная функция активизирует рост социального протеста и недовольство новыми властями. В сложившейся ситуации местные должностные лица стали проявлять солидарность с населением в вопросе снижения реквизиционного давления. Так, общественный сход аула Теберда, указывая на

значительно выросшие цены на продукты первой необходимости и нехватку хлеба, посредством своих лидеров заявлял, о «критическом положении» дел в аулах и тяжести бремени реквизиций [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972: 19-20].

Некоторые сельские общества, пытаясь улучшить положение дел в земельном вопросе, стали арендовать земельные наделы. Например, нам известно, что община села Ивано-Сусановского (Марухского) арендовала под пастьбу и покосы участки частной земли. При этом сельские власти обязались охранять от самовольных порубок лес, находившийся на тех участках. В этой связи по решению сельского общества была введена должность лесного сторожа, который должен был охранять лесные массивы [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 39. Л. 26-26 об.].

В то же время, наверное, самой большой проблемой для местных властей в описываемый период стал земельный самозахват. Он начинал приобретать все больший размах, и бороться с ним становилось все труднее. Особенно часто самозахватам подвергались участки казенной и частновладельческой земли. Характерно в этом отношении постановление сбора выборных и должностных лиц с. Марухо-Эстонского от 12 ноября 1917 г., созванного старшиной Эдуардом Китцелем. В документе, принятом на собрании, отмечалось, что жители селения «живя более других окружающих нас поселений в худших условиях в земельных отношениях... не решались на захваты чужого имущества до постановления Учредительным Собранием...». При этом там же отмечалось, что жители станиц Кардоникской и Зеленчукской, села Ивано-Сусановского подвержены «незаконным захватам... частновладельческих участков, находящихся в окружности наших юртов» [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 39. Л. 45-45 об.].

Земельные самозахваты распространились во всех частях Баталпашинского отдела, затронув и горское население. Известно, например, что возглавляемые Даутом Гутекуловым и Магометом Санглибаевым крестьяне аула Нижне-Мансуровского (Эркин-Халк), самовольно захватили земли, принадлежавшие помещику Мамонтову. Малоимущие жители Тебердинского ущелья под руководством Саида Халилова заняли часть земельных наделов помещика Николенко, Сентинского монастыря, ряд казенных участков, поделив их между собой [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972: 16-17].

Примечательно, что со временем новые местные власти не только перестали пытаться противодействовать таким самовольным захватам чужой земельной собственности, но и сами стали возглавлять их. Таким образом, затягивание решения аграрного вопроса на уровне центральной власти привело к росту радикальных настроений даже среди части должностных лиц. Некоторые представители местной власти, осознавая, что идея перераспределения земли довольно популярна среди значительной части населения, пытались путем «легализованного» самозахвата поднять свой авторитет и оперативно решить назревшие вопросы земельного обустройства. По этому пути, например, пошли в гражданском исполнительном комитете Курорта Теберды, возглавлявшимся Солтан-хаджи Байчоровым. Данный ГИК принял решение отобрать земельные угодья у крупных землевладельцев и передать их нуждающимся крестьянам. Правда, отдельные власти смогли пресечь эту попытку, обвинив председателя

ГИКа в пропаганде «самоуправного захвата чужой собственности» и натравливания одной части населения на другую [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 26. Л. 15].

Однако эксцессы в данном направлении продолжали нарастать. В ноябре 1917 г. Карачаевский ГИК принял постановление, которое признавало незаконным решение, принятое еще при царе, об изъятии в казну двух земельных участков (14 тыс. дес. и 12 тыс. дес.), расположенных в Тебердинском ущелье. Одновременно тот же ГИК объявил, что готов отдать эти земли в аренду, деньги от которой должны были направляться в общекарачаевскую казну. Это решение, подписанное председателем Карачаевского ГИКа Х. Урусовым, членом исполкома М. Абаевым и секретарем Н. Токовым, было отправлено в Кубанскую войсковую раду. Там оно не нашло поддержки, а начальник управления земледелия и госимуществ Черноморской губернии и Кубанской области в обращении к комиссару области оценил произошедшее как «нарушение владения казны» [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 1-7 об.]. В то же время отменить подобное решение властных ресурсов у Рады уже не хватало и ей пришлось оставить этот вопрос открытым [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 1-7 об.].

В то же время решения Карачаевского ГИК вызвали протест со стороны Тебердинского аульного общества. Последнее, созвав сход выборных и должностных лиц, 29 декабря 1917 г. заявило, что указанные участки были насильственно изъяты из земельного фонда селения прежними властями. На этом основании сход требовал вернуть эти земли не всему карачаевскому обществу, а только Тебердинскому аулу [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 1-3.]. Кроме того, было озвучено требование о создании самостоятельного лесничества, доходами от деятельности которого селение собиралось распоряжаться самостоятельно. Это решение, в свою очередь, встретило противодействие со стороны Карачаевского ГИКа. Общекарачаевский общественный лесничий Абулкерим Хасанов составил обращение к Кубанскому краевому правительству, в котором отмечал, что все леса составляют общую собственность карачаевского народа в лице 12-ти аульных обществ, а не одного Тебердинского. Он также обвинял тебердинцев в том, что они заражены «большевистской идеологией и грабительскими замашками» и претендуют на общенародную собственность, и призывал краевое правительство принять безотлагательные меры для пересечения самоуправных действий. Однако, ввиду «трудности безотлагательного решения вопроса» краевое правительство предпочло сохранить сложившееся к тому времени статус-кво [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 1-3.].

Отметим, что попытки радикально решить земельный вопрос, перераспределить земельный фонд и т.п. обуславливались не только большевистской пропагандой. В Баталпашинском отделе она имела место быть; в некоторых населенных пунктах действовали члены РСДРП(б) и близкие им революционные активисты – И. Марченко (станция Баталпашинская), И. Толопа, И. Бережной (станция Зеленчукская), С. Сотниченко (станция Кардоникская), Г. Чучулин (рудник «Эльбрус»), Д. Гутекулов (аул Тазартуковский), С. Халилов (аул Тебердинский), Г. Дзасохов (село Георгиевско-Осетиновское). Но их влияние было довольно ограниченным. В Баталпашинском отделе, как в сугубо аграрном регионе, доминирующие позиции занимали эсеры, что и показали выборы в Учредительное

собрание в ноябре 1917 г., на которых большевики потерпели полное фиаско [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972: 24-25]. Но дело в том, что на необходимости земельных преобразований стали настаивать практически все левые партии (а не только большевики), что обеспечивало этой идее широкую социальную поддержку и создавало объективные трудности для местных и краевых властей в деле противодействия незаконным переделам земли.

Справедливости ради, отметим, что власти всех уровней пытались противодействовать незаконным актам в отношении частного и казенного землевладения. Кубанское правительство издало приказ, в котором объявляло, что «всякая попытка разрешать до Учредительного собрания земельный и другие вопросы путем насилия и захвата, помимо добровольного соглашения, будет пресекаться в корне самыми решительными мерами» [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1971: 18]. Специализированной инстанцией, рассматривавшей коллизии в аграрной сфере, выступала Кубанская областная комиссия по рассмотрению земельных правонарушений, созданная в сентябре 1917 г. [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 26. Л. 34].

В то же время общероссийский закон о земельных комитетах от 21 апреля 1917 г. предполагал, что к ним перейдет ведение земельными ресурсами. Они должны были формировать специальный фонд для последующей земельной реформы, которая планировалась после созыва Учредительного Собрания. Однако по настоянию Совета Союза казачьих войск действие данного закона первоначально не распространялось на казачьи области. Только через несколько месяцев Кубанский исполнительный комитет санкционировал создание земельных комитетов на Кубани, после чего здесь, как и в Центральной России, «начался разгром имений, захват земель, инвентаря и другого имущества» [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 63. Л. 44.].

Помимо частных и казенных земель попытки самозахвата отмечались и в отношении частнособственнических лесных угодий. Вследствие этого местные власти в 1917 г. были вынуждены активизировать свои усилия и по борьбе с этими явлениями. Например, согласно рапорта старшины села Ивано-Сусановского (Марухского) на имя атамана Баталпашинского отдела в октябре 1917 г., жители станицы Кардоникской занимались самовольной порубкой леса на владельческих участках, входивших в границы юрта данного села. При этом нарушители не только отказывались выполнять предписания сельских властей, но угрожали последним. В итоге события стали известны краевым властям. Из Екатеринодара прислали поручение областного комиссара, в котором атаману станицы Кардоникской предписывалось не только принять меры по охране частных лесных угодий, но и привлечь виновных к уголовной ответственности. Станичный атаман созвал сход, на котором объявил, что «частновладельческие леса рубить нельзя, подчеркивая, что такие действия будут пресекаться законом» [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 1, 30-33, 38].

Довольно сложным было положение ГИКов в районах с преобладанием казачьего населения. В принципе, после падения монархии власти Кубанской области вообще не спешили с либерализацией общественной жизни и местного самоуправления. Правило, по которому в выборах в станичные и хуторские

правления могли участвовать только мужчины и казаки даже после революционных событий в России, продержалось довольно долго. Только в октябре 1917 г. Кубанская краевая рада наконец-то приняла «Временные Основные Положения о высших органах в Кубанском крае», введя всеобщие, прямые, равные выборы при тайном голосовании. Кроме того, в резолюции Рады «О политическом моменте» указывалось на равенство в вопросах управления, в политическом и гражданском статусе казаков, горцев и иногородних. В ноябре совместное заседание Рады и областного съезда иногородних приняло основные положения, по которым до решений Учредительного Собрания население Кубани должно было самостоятельно создавать бессословные и демократические органы местного самоуправления. К участию в них допускались все жители края, достигшие 20-летнего возраста [Черпаков 2011: 35-36]. Несмотря на эти новации, политический режим в Кубанской области, в целом, с июля 1917 г. стал постепенно ужесточаться. В это время было объявлено об упразднении Областного Совета и Кубанского облисполкома и о передаче всей полноты власти Кубанскому войсковому правительству [Черпаков 2011: 35]. На этом фоне, как отмечают некоторые исследователи, на местах прошла волна закрытия ГИКов, особенно на уровне сельских поселений. При этом участковые ГИКи, в том числе в Баталпашинском отделе Кубанской области, оказались более устойчивыми [Емтыль, Пахомова 2020: 188-189].

Таким образом, местным органам власти Баталпашинского отдела Кубанской области после Февральской революции 1917 г. пришлось работать в довольно сложных условиях. Первоначальная эйфория от революционных событий и свержения царской власти прошла, и новым властям в лице гражданских исполнительных комитетов пришлось не только решать насущные хозяйственные вопросы, но и столкнуться с ростом протестных настроений, радикализацией общества. Ситуацию в значительной степени усугубляло то, что в регионе фактически сформировалось двоевластие: ГИКи функционировали параллельно с правительственными комиссарами (старшинами, станичными атаманами). К концу 1917 г. отчетливо проявлялись тенденции потери управляемости, элементарной соподчиненности краевых и местных органов власти. Среди казачества довольно устойчивыми оказались консервативные тенденции, в результате чего к выборным органам с участием неказачьих групп населения в станицах относились враждебно или, как минимум, настороженно. Но, пожалуй, самой сложной проблемой, с которой пришлось столкнуться гражданским исполнительным комитетам и в целом местным властям Баталпашинского отдела, стала проблема земельных самозахватов. Несмотря на ряд предпринимаемых мер, размах этих явлений постепенно расширялся и во второй половине 1917 г. некоторые из ГИКов сами становились инициаторами неправовых действий в отношении казенных и частных земельных угодий. В дальнейшем начало гражданской войны в регионе фактически привело к окончательной ликвидации гражданских форм управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агаджанян 2013 – *Агаджанян Э.М.* Становление и развитие органов исполнительной власти и управления Карачаево-Черкесии (1920-1941 гг.). Автореферат дисс ... канд. ист. н-к. – Владикавказ, 2013. – 27 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Емтыль, Пахомова 2020 – *Емтыль З.Я., Пахомова А.В.* Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. – М., 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 174-196.

Лайпанов 1971 – *Лайпанов К.Т.* Октябрь в Карачаево-Черкесии: Борьба большевиков за власть Советов. (1917-1920). – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1971. – 192 с.

Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972 – *Очерки истории Карачаево-Черкесии.* Т. 2: Советский период. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1972. – 448 с.

Очерки истории Кубани 1996 – *Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.* / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. – 654 с.

Урусова 2008 – *Урусова М.Н.* Становление российской административной системы в Карачае и Черкесии (1830-1917 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. н-к. – Пятигорск, 2008. – 29 с.

Черпаков 2011 – *Черпаков В.В.* Выборные представительные органы государственной власти на Кубани (1917 – первая половина 1918 года) // Культурная жизнь Юга России. Региональный научный журнал. – № 2 (40). – Краснодар, 2011. – С. 33-38.

Шершенко 1906 – *Шершенко А.И.* Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Вып. I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Ставрополь: Типография И.Ф. Бойко, 1906. – Т. 1. – С. 1-138.

REFERENCES

AGADZHANYAN E.M. *Stanovlenie i razvitie organov ispolnitel'noi vlasti i upravleniya Karachaevo-Cherkessii (1920-1941 gg.)* [Formation and development of executive authorities and administration of Karachay-Cherkessia (1920-1941)]. Avtoreferat diss. ... kand. ist. n-k. – Vladikavkaz, 2013. – 27 p. (In Russ.).

SHERPAKOV V.V. *Vyborye predstavitel'nye organy gosudarstvennoi vlasti na Kubani (1917 – pervaya polovina 1918 goda)* [Elected representative bodies of state power in the Kuban (1917 – the first half of 1918)]. IN: Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. Regional'nyi nauchnyi zhurnal. – № 2 (40). – Krasnodar, 2011. – P. 33-38. (In Russ.).

EMTYL' Z.YA., PAKHOMOVA A.V. *Formirovanie organov vlasti i samoupravleniya na Kubani v period revolyutsionnykh preobrazovaniy 1917 g.* [Formation of authorities and self-government in the Kuban during the revolutionary transformations of 1917]. IN: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. – M., 2020. – T. 19. – № 1. – P. 174-196. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja. [The State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

LAIPANOV K.T. *Oktyabr' v Karachaevo-Cherkessii: Bor'ba bol'shevikov za vlast' Sovetov. (1917-1920)* [October in Karachay-Cherkessia: The struggle of the Bolsheviks for the power of the Soviets. (1917-1920).] – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo kn. izd-va, 1971. – 192 p. (In Russ.).

Oчерки istorii Karachaevo-Cherkessii. [Essays on the history of Karachay-Cherkessia]. Т. 2: Sovetskii period. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo kn. izd-va, 1972. – 448 p. (In Russ.).

Oчерки istorii Kubani s drevneishikh vremen po 1920 g. [Essays on the history of the Kuban from ancient times to 1920] / Under the general editorship of V.N. Ratushnyak. – Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1996. – 654 p. (In Russ.).

URUSOVA M.N. *Stanovlenie rossiiskoi administrativnoi sistemy v Karachae i Cherkessii (1830-1917 gg.)* [Formation of the Russian administrative system in Karachay and Cherkessia (1830-1917)]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. n-k. – Pyatigorsk, 2008. – 29 p. (In Russ.).

SHERSHENKO A.I. *Pravovoe i ekonomicheskoe polozhenie inogorodnikov na Severnom Kavkaze v svyazi s khozyaistvennym razvitiem kraja. Vyp. I. Kubanskaya oblast'. Statisticheskii ocherk* [The legal and economic situation of nonresidents in the North Caucasus in connection with the economic development of the region. Issue I. Kuban region. Statistical essay]. IN: Sbornik svedenii o Severnom Kavkaze. – Stavropol': Tipografiya I.F. Boiko, 1906. – T. 1. – P. 33-38. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Сайко – аспирант.

Information about the author

A.A. Saiko – a graduate student.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 06.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 27.07.2023; approved after reviewing 06.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.